

Т. В. СТАРОСТИНА

ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ ДРЕВНИХ АКТОВ XVII—XVIII вв.,  
ХРАНЯЩИХСЯ В АРХИВЕ КАРЕЛЬСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР

Описанная часть коллекции древних актов XVII—XVIII вв., хранящейся в архиве Карельского филиала АН СССР,<sup>1</sup> невелика (около сотни единиц хранения). Подавляющее число документов является остатком делопроизводства Шуерецкой волости за XVII и первую половину XVIII вв. Ввиду тесной связи между волостями Карельского Поморья многие из этих документов непосредственно касаются также Кемской волости, Сумского острога, Керети. К сожалению, эти несколько десятков документов XVII—XVIII вв. не представляют из себя систематической коллекции и тем более не освещают все стороны экономической и общественной жизни того времени. Наряду с актами, касающимися Карельского Поморья, в коллекции имеются жалованные грамоты обельным крестьянам Заонежья и Прионежья (№ 21, 90), азбука, написанная в Палеостровском монастыре (№ 92) и несколько документов, касающихся истории Каргополя XVII—XVIII вв.<sup>2</sup>

Эта коллекция документов вместе с тем является очень пестрой по составу. По всей вероятности, она — результат собирательской деятельности или отдельного ученого или учреждения. К сожалению, неизвестно, кому принадлежала эта коллекция актов, прежде чем она стала собственностью архива Карельского филиала АН СССР и учреждений, предшествовавших ему в деле изучения истории Карелии.

Архивная опись коллекции страдает рядом неточностей и ошибок в датировке документов<sup>3</sup> и в определении их содержания. А самое главное то, что при отсутствии печатной описи мало кто знаком с этой коллекцией, представляющей несомненный интерес не только для историка,

<sup>1</sup> Архив Карельского филиала АН СССР, оп. 2, разряд I. Опись составлялась по материалам известного исследователя истории Карелии Петрова, погибшего в Великую Отечественную войну.

<sup>2</sup> № 80, 79, 86, 77, 87, 83, 89, 76, 78, 84, 82, 81, 85, 88, 94 (Документы и здесь и в дальнейшем перечисляются в хронологической последовательности).

<sup>3</sup> Так, например, документ № 20, датированный XVI в., на деле относится к началу XVIII в., ибо в документе фигурируют люди, упоминаемые в № 64 (1700 г.) и № 39 (1711 г.), и в № 74 (1711 г.). Некоторые документы пропущены, например, одна из челобитных шуерчан к Петру I (см. № 55).

но и для лингвиста. Исходя из всего вышесказанного, я и взяла на себя труд обзора коллекции. Поскольку в архивной описи зачастую нарушается хронологический принцип, то описывать документы в порядке их нумерации нет никакого смысла. Описаны они в предлагаемой статье, сообразуясь с их содержанием, тематически.

Среди документов прежде всего следует выделить те, которые касаются общинного владения угодьями (рыбными ловлями, нерпинными ловищами). Они говорят о том, что соседние волости межевали свои угодья и, тщательно их описав, составляли «уговорную полюбовную запись» о невмешательстве во владение чужой волости (№ 69, XVII век). Нарушения, имевшие место, вызывали споры, борьбу, обращение к властям Соловецкого монастыря (№ 29, челобитная от шуеречан, 1687 год). Некоторые из челобитных поморских крестьян говорят о состоянии рыбных и соляных промыслов в отдельные годы (№ 68, 1662 год; № 55, 1707 год). Особого внимания заслуживает документ № 55, содержащий две челобитные. Одна из них написана от имени шуеречан, соляных промышленников, другая — от имени рыбопромышленников, называемых в челобитной по месту их промыслов «мурманскими промышленниками». Обе челобитные, адресованные царю Петру, свидетельствуют о том, что нововведения петровского правительства в области косвенных налогов (в частности, увеличение косвенного налога на поморскую соль) пагубно отразилось не только на соляном промысле, но и на мурманском рыбном промысле. От начала XVIII века сохранился документ, касающийся самой организации промыслов. Это — «ропись», данная шуеречанином Евдокимом Трофимовым земскому старосте Роману Семенову о приеме кемлян «в складначество промыслать на тарасе» (№ 19).

В коллекции имеется семь документов 90-х гг. XVII — начала XVIII века, касающихся найма плотников, иконописцев, мастеров колокольного дела, писарей.<sup>1</sup> Эти «порядные» (договорные) записи отличаются обстоятельностью — указаны срок найма, характер работы, выдача аванса при начале работы, оплата в случае хорошего исполнения работы, пени в случае нарушения условий договора нанимателем или наймитам и т. д. Небезынтересны и некоторые биографические сведения, содержащиеся в этих порядных записях. Так, например, один из иконописцев, работавших в Шуерецкой волости, — заонежанин, другой — новгородец; иконописец, нанятый шуеречанами в Сумском остроге, совмещал свое «доброе мастерство» с должностью таможенного подьячего в том же остроге. Для истории наемных отношений эти документы представляют несомненный интерес и заслуживают того, чтобы их напечатали.

Акт по распоряжению имуществом в описанной части коллекции имеется мало (духовная грамота крестьянки Марфы Мироновой от 29 марта 1688 г. № 2, полюбовная «раздельная запись» между крестьянами-родственниками от 1716 года № 71 и купчая на рыбный чан от 1710 года № 58). В малом числе документов подобного рода приходится сожалеть, так как они содержат подробное описание деревенского земельного участка — полосок «мягкой орамой земли», говорят о завещании земель не только родственникам, но также соседям, духовенству

<sup>1</sup> (№ 28, 11, 64, 20, 44, 50, 72.) Документ № 20 датирован на основе документа № 64, началом XVIII в. (около 1700—1701 гг., а не XVI в., как это датировано в архивной описи).



(№ 2), тщательно описывается недвижимое и движимое имущество крестьянской семьи и самый семейный раздел (№ 71).

Над всеми вышеописанными документами в коллекции численно преобладают документы, касающиеся ямской гоньбы и иных крестьянских повинностей (строительство и ремонт дорог, «городовые поделки», «острожное дело»), а также сбора с крестьян оброчных денег Соловецкому монастырю и налогов в государственную казну. Так, например, 28 документов из описываемой коллекции касаются выполнения ямской повинности с 1660 по 1737 год. Это — «полюбовные» и «счетные» записи между волостями Шуерецкой, Кемской, Сумской, Сорокской о выполнении ямской повинности, а также расписки о приеме денег,<sup>1</sup> книги записи расходов по тем же волостям по несению ямской повинности (№ 12, 33), челобитные крестьян Шуерецкой волости на крестьян других поморских волостей, не желающих «считаться» в выполнении ямской повинности и т. д.,<sup>2</sup> грамоты властей Соловецкого монастыря и холмогорского архиепископа о раскладке ямской повинности между шуерецкими и кемскими крестьянами и о «счете» расходов волостей по ямской гоньбе (№ 6, 38). Несмотря на однотипность этих документов они в ряде случаев содержат новые факты по истории Карелии начала XVIII века. Явствует, что в условиях Северной войны ямская повинность в Карельском Поморье становится более тяжелой, чем прежде. Подвод требуют чаще, требуют срочно для перевозки правительственных гонцов, для перевозки денег в Кольский острог для уплаты жалованья стоящим там служивым людям. На крестьянских подводах посылались в Колу «ремесленные... Олонецкого уезда», рудознатцы, перевозилась из Керетской волости слюда и т. д.<sup>3</sup> В связи с возрастанием движения по поморским дорогам возрастают требования со стороны правительства и монастырских властей к крестьянам по содержанию дорог и по самой организации почтовой гоньбы, требование к волостям покупать специальных почтовых лошадей, содержать лошадей и почтарей так, чтобы не было никакой заминки, «чтоб не вызвать государева гнева» (№ 63, 38, 75). Изменяются условия полюбовных записей между волостями о несении ямской повинности (№ 24). В нескольких документах, касающихся ямской гоньбы, упоминается о массовой расчистке дорог в 1702 году, когда в связи с «государевым пришествием» строилась «государева дорога» и на строительстве ее крестьяне Шуерецкой волости работали все поголовно (№ 37).

В тесной связи с ростом движения по поморским дорогам стоит сохранившееся в коллекции подробное описание дороги от Кеми до Шуерецкой волости (№ 59).

Датировка некоторых документов, касающихся ямской гоньбы, в описи сделана неправильно. Так, документ № 12 датирован XVI веком, вместо 1667—1676 гг., № 25 отнесен к 1676 году, вместо 1678 года, № 37 датирован XVII веком, тогда как он относится к началу XVIII века — не ранее 1702 года, № 97 отнесен к XVII веку, тогда как относится опять-таки к XVIII веку. Та же ошибка сделана относительно документа № 96. Имеются в описи ошибки в легендах.

<sup>1</sup> № 27, 8, 9, 7, 1, 5, 52, 35, 49, 24/1, 31, 96, 97, 30, 31.

<sup>2</sup> № 9, 10, 25, 23, 65, 3, 17, 4, 37, 48, 24 (2).

<sup>3</sup> № 37, 33, 41, 24, 46, 47.

Подобно документам по ямской повинности сравнительно многочисленны грамоты, отписки, расписки, крестьянские челобитные, касающиеся уплаты денег в казну и в монастырь,<sup>1</sup> выполнения строительных работ в Сумском остроге и монастыре.<sup>2</sup> Монастырь брал с волости «за монастырскую плотничную работу» деньги, на которые затем нанимал плотников из тех самых волостей или волость сама нанимала плотников и посылала их в распоряжение монастырских властей. В обоих случаях строительство оборонных и хозяйственных построек оплачивалось поморскими крестьянами. Крестьяне не раз писали об обременительности «острожного дела» и «городовых поделок». Память старцу Сумского острога свидетельствует об ослушании крестьян при сборе денег и о правяже этих денег стрельцами (№ 18). Из документа № 26 мы узнаем, что монастырские власти давали крестьянам деньги по кабалам.

Из документов начала XVIII века наиболее интересны документы, касающиеся работ на Алексеевском заводе. С ними тесно связаны всевозможные распоряжения, посланные в поморские волости комендантом Петровских заводов. Всего их насчитывается 17 единиц хранения,<sup>3</sup> но под отдельными номерами скрываются по сути дела десятки различных документов, например, многие расписки приемщика железной руды от крестьян (№ 39), расписки о приеме крестьянами-возчиками хлеба у шуерецкого хлебного целовальника для доставки его на Алексеевский завод (№ 54).

Все эти документы — «порядные записи» шуеречан с крестьянами других погостов и волостей о найме — «за себя» на заводские работы — (№ 51, 36), «книги» приемщика железной руды от крестьян на Алексеевском заводе (№ 39), расписки «наемщиков» в получении от волостных выборных денег за работу на заводе (№ 74), расписки — «ерлыки», данные заводской администрацией в выполнении той или иной заводской работы (№ 62), «сказки» «мучных» целовальников (№ 61), «расписки» выборных в приеме расписок о сдаче хлеба на Алексеевский завод (№ 40), расписки возчиков в приеме от мучных целовальников хлеба для перевозки на Алексеевский завод (№ 57, 42, 54), расписки в приеме денег от выборных сборщиков за наем возчиков по доставке хлеба на завод и прочее (43, 34, 45, 46, 70) — являются ценным источником по истории поморского крестьянства. Они свидетельствуют о дальнейшем росте имущественного неравенства в деревне, о возрастании числа крестьян-«наймитов», говорят о тяжести и разнообразии повинностей и сборов, возложенных на поморское крестьянство в период Северной войны. Распоряжения центральной власти, передаваемые в поморские волости в виде «указов» администрации Петровских заводов, в коллекции представлены слабо (№ 53, 56, 60). Но они дают некоторые данные о недовольстве и сопротивлении крестьян заводским повинностям (например, № 56). Даже при беглом обзоре коллекции видны связи хозяйственные, культурные внутри самого Поморья, связи Поморья с лопскими погостами, с последними были также родственные связи (№ 2), а также с Заонежьем и частично с Олонцом и даже Новгородом. Привлекает к коллекции внимание ряд типичных карельских

<sup>1</sup> № 13 (грамота), № 18, 26 (памяти), № 67, 15 (отписки), № 95, 32, 73 относятся к 1736 году и касаются сбора подушной подати, № 14, 66 (челобитные).

<sup>2</sup> № 95, 14, 18, 32.

<sup>3</sup> № 40, 60, 36, 51, 61, 42, 54, 57, 56, 34, 39, 53, 62, 43, 74, 45, 70. Документы охватывают 1704—1712 гг.



фамилий (Кивроевых — № 49, 58, Куккоевых — № 5, Ригоёвых — № 24 и др.), встречаются фамилии, говорящие о саамских предках их носителей (например, Лопинцовы — № 6, 7), многие старинные русские имена языческого происхождения, частое употребление большинства библейских имен (Моисей, Исаак, Иуда, Симон и др.), затем позже вышедших из употребления как у русских, так и у карел, но память о которых до сих пор живет в ряде фамилий, встречающихся в Карелии. В уже упоминаемых ранее документах, дающих описание поморских местностей, сохранилась карельская топонимика.<sup>1</sup>

Самый язык документов отражает многие особенности местного диалекта, в лексике имеется ряд слов, свидетельствующих о заимствованиях из карельского языка. Для лингвистов, занимающихся русскими северными диалектами и прежде всего беломорским, коллекция представляет несомненный интерес.

В коллекции имеется скорописная азбука (написана она в 1717 году иноком Палеостровского монастыря Иосафом) и почти во всех документах имеются данные о грамотности (чаще всего «руки прикладывают» грамотные крестьяне, жители Кемского городка, стрельцы Сумского острога и т. п.). «Подрядные записи» о найме (№ 22, 11, 50, 68) содержат факты по истории местного церковного зодчества и о работе иконописцев.

Наконец, следует отметить, что в коллекции документов обнаружены некоторые материалы о семье Лошкиных, выдвинувшей во 2-й половине XVIII века знаменитого Савву Лошкина. В литературе Савва Лошкин называется олончанином, причем часто местом его рождения указан Олонец.<sup>2</sup> Естественные сомнения некоторых исследователей на сей счет не подкреплялись до сих пор документами. В коллекции имеется четыре документа (№ 6, 7, 40, 61), в которых упоминаются имена нескольких поколений кемских крестьян Лошкиных — в XVII веке Никита Лошкин, его сын Карп и в первые десятилетия XVIII века — Никифор Лошкин. Лошкины пользовались уважением замляков. Так, Карп Никитич Лошкин был в 1690 году выборным счетчиком от Кемской волости (№ 6, 7). Никифор Лошкин (по всем данным, сын Карпа Никитича Лошкина) в 1706—1707 гг. — хлебный целовальник на Алексеевском заводе, человек грамотный. Хотя о самом Савве Лошкине коллекция ничего не говорит, но и то, что имеется, облегчает дальнейшие розыски. Ясно, что искать данные о нем нужно не в олонецких, а в поморских документах.

Что касается документов по Каргополю, то в большинстве случаев это царские грамоты, извещающие о победе под Азовом (№ 78), об освобождении от оброка деревень Елгомской пустыни (№ 82), требующие принять участие в розысках Василия Талицкого, бежавшего из Москвы (№ 85) и т. д. По истории города Каргополя сохранились два документа под № 79 от 1658 года, говорящие о борьбе внутри посадских за землю (ибо некоторые «загородили себе большие огороды и сеют на их хлеб, лишив остальных выгона»).

<sup>1</sup> № 59 «Список с Кемской описной дороги», № 69 «Полюбовная запись шуерецких промышленников «сального промысла», с кемским старостой о разделении островков для рыбной ловли.

<sup>2</sup> В. Ю. Визе. Русские полярные мореходы XVIII—XIX вв. М.—Л., 1948, стр. 38—39.

Заканчивая обзор, обращаю внимание на документ № 91, названный в описи уставной грамотой 1562 года.<sup>1</sup> Грамота действительно относится к 1562 году. Датировка, данная в конце ее, подтверждается при палеографическом анализе — водяной знак на бумаге (маленькая сфера, пересеченная чертой, над сферой геральдическая лилия, под сферой фигура сердцевидной формы) имеет сходство с № 3179, в альбоме Н. П. Лихачева, который датируется 1560 годом, и другими документами, относящимися к 60-м гг. XVI века.<sup>2</sup> Но грамота 1562 года только упоминает об уставной грамоте, на основе которой и судебника 1550 года должен был organizоваться суд в Кемской и Шуерецкой волостях. Ввиду дефектности начала грамоты мы можем назвать ее, исходя из содержания. Эта грамота, данная новгородскими дьяками Василием Стефановым сыном Угримовым и Леонтием Ананьиным<sup>3</sup> выборным судьям Кемской и Шуерецкой волостей. В ней изложены основные положения уставной грамоты и даны дополнительные распоряжения выборным судьям, поэтому грамота представляет значительный интерес как для исследователей истории Карелии, так и истории России XVI века вообще.

В заключение хочу сказать о том, что обзор, охвативший часть документов, составляющих коллекцию, поможет архиву в составлении новой описи, в которой желательно сохранить прежнюю нумерацию документов, поскольку отдельными актами коллекции пользовались историки, занимавшиеся историей Карелии XVII—XVIII вв.

<sup>1</sup> Как уставная грамота он издан дважды: А. Линевский, В. Машезерский, В. Пегов. Хрестоматия по истории Карелии. Петрозаводск, 1939, № 18, стр. 112—114; Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск 1941, № 86, стр. 190—193.

<sup>2</sup> Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I, II, III, СПб, 1899. № 2997, 2998, 3439, 3440, 1932, 1913.

<sup>3</sup> Оба дьяка известны ученым — см. Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб, 1890, стр. 250—253. 265—266.